НОВОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Информационно - дискуссионный бюллетень
№2 Февраль 1999 г.

СДЕЛАЕМ, КАК В РУМЫНИИ?

В результате 15-дневной стачки и 5-дневного похода на Бухарест в январе 1999 г. румынские шахтеры добились частичного удовлетворения своих требований: повышения зарплаты на треть и отказа властей от закрытия «убыточных» шахт. При поддержке населения марш чуть было не перерос в рабочее восстание против рыночных реформ. Президент Румынии, еще недавно обещавший сделать все для спасения рыночной экономики, подрываемой требованиями горняков, капитулировал, и премьер-министр вынужден был униженно отправится на переговоры к рабочим. Опыт румынских шахтеров показывает, что только решительная борьба может привести к успеху, только так можно бороться с антигуманными и антисоциальными «деформами».

К сожалению, движение румынских шахтеров было далеко от совершенства. Оно проходило под жестким контролем со стороны бюрократических профсоюзных структур, в которых было немало людей, близких к националистическим партиям и церковным кругам. Руководители («штаб») акции не спрашивали мнения рядовых шахтеров и жителей городов и сел, готовых активно поддержать выступление. Соглашения, заключенные «лидерами» горняков с правительством, были тайными. Не случайно, несмотря на удовлетворение части требований бастовавших, у многих рабочих остался горький привкус украденной победы, а взбунтовавшаяся уже после соглашений часть шахтеров и жителей города Рымнику-Вылча говорила, что «вожди» бросили их на произвол судьбы.

В том, что касается активности, радикальности и решимости в отстаивании своих прав, в сопротивлении рыночному произволу - у румынских шахтеров есть, чему поучиться. Но для успеха рабочего движения - как в Румынии, так и в России и во всех других странах - необходимо еще одно: самоорганизация и самоуправление в борьбе. Нужно, чтобы сами рабочие принимали решения по всем вопросам, их касающимся, через свои общие собрания и советы трудовых коллективов, действующие

в жестких рамках решений, сформулированных общими собраниями и сменяемые по первому требованию общих собраний. Освобождение трудящихся из-под власти и влияния бюрократических партийных и профсоюзных структур с их начальниками и «вождями» есть необходимое условие успеха!

САМООРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВ АДМИНИСТРАЦИИ

Заметки о Ясногорском машиностроительном заводе

Наш бюллетень посвящен новому - полностью самостоятельному рабочему движению. Движению, в котором нет начальников и подчиненных. Движению, цели и задачи, способы и средства, которого определяются всеми без исключения его участниками, а не лидерами, политическими группами и партиями, (действующими всегда в своих собственных интересах). Нам пытаются возразить, что у рабочих нет достаточной подготовки и образования, что они не могут ни разобраться самостоятельно в проблемах управления производством (и потому ими должны командовать администраторы и менеджеры), ни понять, что делать дальше и как устроить свою жизнь (для этого ими должны руководить «политические авангарды», «наиболее сознательные элементы», т.е. политические партии). Да, может быть сегодня рабочие еще не все знают и умеют, но они вполне в состоянии научиться, и они учатся. Когда же, черт побери, политики перестанут относится к сообществу взрослых умных людей, делающих сложнейшие вещи (обеспечивающие, кстати сказать, существование и самых этих политиков), как к младшей группе детского сада! Впрочем, вряд ли политики и все их партии без исключения когда-нибудь перестанут это делать, ведь, собственно говоря, именно на отсутствии у рабочих опыта самостоятельного решения проблем и строят они свою «политику».

Сегодняшний отупляющий бесчеловечный способ существования действительно может сделать из любого нормального человека идиота. Но сама жизнь заставляет людей вспомнить, что они люди, и когда они берут свою судьбу в свои руки, они, действуя вместе, в состоянии разобраться во всех своих проблемах! Дело - лучшее доказательство, а такое дело уже есть!

О забастовке на Ясногорском заводе мы узнали случайно и поехали посмотреть, что там происходит, своими глазами. Мы думали, что увидим обычную забастовку под руководством профкома ФНПР (это когда профком договаривается за спиной рабочих с администрацией). Но то, что мы увидели превзошло все наши надежды. Мы увидели завод, который не только контролируется, а, отчасти, и управляется самими рабочими. Но сначала немного о том как это получилось. Ясногорский машиностроительный завод выпускал насосы и другое шахтное оборудование, значительную часть номенклатуры которого больше в Союзе никто не выпускал. Его продукция пользовалась заслуженной популярностью у шахтеров и в других отраслях промышленности благодаря своему исключительному качеству. Что не удивительно, потому что работали на заводе люди высокой квалификации. В результате приватизации завод стал открытым акционерным обществом. Потом началась история, очень похожая на многие другие истории такого же рода, случившиеся на пространстве бывшего СССР. Хозяин, владелец контрольного пакета (27%) акций В.А.Ткачев и администрация стали использовать различные схемы извлечения прибыли в обход заводской кассы - сразу в собственный карман. Отпуск продукции своим посредникам по заниженным (процентов на 40%) ценам. Заведомо невыгодный (а, точнее, бессмысленный) бартер. Так, по бартеру администрация попыталась обменять 14 насосов на сумму 79 500 рублей на машину метел. Кстати, леса вокруг Ясногорска замечательные, а рабочие вовсе не настолько загружены, чтобы выгоднее было везти метлы из Брянска, дабы не отвлекать их от работы. Это только один пример, а нам их рассказали множество, да и доказать их не сложно, только вот кому нужны эти доказательства, если прокурор Матвейчик всецело на стороне бывшего ген. директора И.Г.Чернова и его товарищей (тоже уже бывших). Боюсь, что все это до боли знакомо нашим читателям и в Ростове, и в Ярославле, и во многих других местах.

Потом была забастовка и был стачком, руководимый председателем профкома И.М.Кузнецовым. Быть-то они были, результатов вот только не было. Профком быстро нашел общий язык с администрацией. Впрочем, у директора и председателя профкома, по слухам, всегда были хорошие отношения. Во всяком случае, зарплата в 3000 рублей (+ 3% от прибыли завода), выплачиваемая, по-видимому, без задержек, не позволяла вышеозначенному председателю всерьез бороться за изменение ситуации на заводе, ибо сам он чувствовал себя вполне комфортно - сложившаяся на заводе ситуация его, лично, полностью устраивала! В июне прошлого года, так ничего толком и не добившись, коллектив завода был отправлен в двухмесячный неоплачиваемый отпуск. Правда на складах завода была готовая продукция, которую за это время вроде бы хотели продать. Так что, к концу отпуска у людей была, все же, надежда на зарплату. Но во время этого отпуска вдруг как грибы стали расти коттеджи заводского начальства. А выйдя на работу, рабочие вдруг обнаружили, что нет ни продукции, ни зарплаты, а их собираются отправить в отпуск еще на месяц. Стихийно собралась конференция с участием более 4000 человек (практически все работники завода). На этой конференции старый профком и стачком были смешены. Председателем профкома стала уволенная незадолго до этого Антонина Ивановна Чекмарева, а председателем стачкома Андрей Гуан-Тин-Фа. Это вызвало негодование администрации и Облсовпрофа, но на первое никто не обратил внимание, а председателю Облсовпрофа намекнули, что сейчас профсоюзов много, есть из чего выбирать. 14 сентября началась бессрочная забастовка, а 28 сентября собралась заводская профсоюзная конференция. На этой конференции Ленст Рошеня, сотрудник отдела

снабжения предприятия, предъявил доверенность на управление акциями, принадлежащими рабочим завода. Надо сказать, что человек этот, образованный, юридически грамотный и имеющий у рабочих завода в силу этих своих качеств авторитет, все точно рассчитал. На собрании присутствовали владельцы 72% акций и совет директоров. Конференция была преобразована в собрание акционеров, и был избран новый ген. директор Л. Рошеня и назначен исполнительный директор В.Д Дронов. Но прокуратура не дремлет. 22 октября прокурор принимает решение о том, что действия рабочих «недействительны и не имеют юридической силы». 4 ноября аналогичное решение принимает городской суд. 3 декабря арестовывают Дронова, а на следующий день Рошеню. Рабочие требуют освободить их и угрожают перекрыть железнодорожную магистраль, а заодно берут под арест собравшийся в ДК совет директоров. Для полного комплекта кое-кого пришлось вытаскивать из постели. Дронова и Рошеню освобождают под «подписку о невыезде» и при условии «неучастия в делах завода».

Борьба в защиту Дронова и Рошени продолжается, но остановить рабочих уже невозможно. Регулярно на заводской площади собираются митинги, по сути общие собрания трудящихся. На этих митингах принимаются основные решения, по всем вопросам жизни завода. Территория, оборудование и продукция завода охраняется рабочими. Начинается выпуск продукции и поставка ее потребителям. Причем все это делается самими рабочими и цеховыми ИТР, практически без участия администрации и ИТР заводоуправления, которые предпочли держать нейтралитет. Совет трудового коллектива дал согласие на назначение еще одного директора, но роль его во многом декоративная. Нам рассказали такую историю: новый директор подписал документы на поставку продукции по ценам 1997 года, деньги от оплаты которой пошли на взаимозачет за электроэнергию. СТК эту поставку запретил до решения общего собрания, а директору сказали, что отгрузкой продукции СТК займется сам. Все решения по отгрузке санкционируются на митингах (общих собраниях) работников.

Такая самостоятельность рабочих очень многим не нравится. На них ополчились вся местная власть (в городе у власти стоят люди близкие к тульскому губернатору Стародубцеву из КПРФ) во всех своих трех лицах, тульское начальство и московские жулики. Через тульские и многие московские СМИ распространяется ложь и клевета на участников движения и его активистов. По существу сколько-нибудь объективная информация идет только через малотиражную «оппозиционную» прессу, да и та по возможности не замечает независимости и самостоятельности этого движения и главное - того, что это движение самоуправляемое. Конечно в нем есть активисты, пользующиеся определенным авторитетом, но это - не начальники. Их действия в полной мере определяются и контролируются общими собраниями рабочих. Это обстоятельство не позволяет им с одной стороны превратиться в очередную «правящую верхушку», с другой дает им силу. Это хорошо понимают рабочие. Хотя иногда в разговорах проскакивает мысль, что не плохо бы найти «хороших начальников», но даже те, кто так говорит, понимают, что «хорошими» «начальники» будут только до тех пор, пока собираются общие собрания. Такая позиция пока не позволяет взять движение под контроль различного рода политическим партиям.

Сейчас ситуация на заводе крайне напряженная. Одновременно ведется несколько судебных дел против старой администрации и за такой юридический статус завода, который смог бы каким-то образом закрепить существующее положение вещей. Новая администрация, на назначение которой согласились рабочие, пытается взять власть на заводе в свои руки. Но пока рабочие решительны и солидарны, это ей не удастся. За попытки издать приказ, противоречащий интересам рабочих, нового директора выгнали из заводоуправления. Рабочие нуждаются в моральной и материальной поддержке, квалифицированной юридической и экономической помощи.

Завод не может существовать полностью вне рамок существующего порядка. Поэтому рабочие вынуждены будут пойти на какие-то соглашения и хотя бы формально действовать в рамках законов. Но люди уже почувствовали силу своих солидарных действий. Они теперь знают, что могут самостоятельно управлять своим заводом. Мы надеемся, что по крайней мере удастся добиться регулярных выплат зарплат и окончательно поставить под контроль заводскую администрацию. Главное - это научится надеяться только на себя и своих товарищей. И научиться не доверять начальству и политическим партиям, которые будут давать самые сладкие обещания, лишь бы лишить рабочее движение его самостоятельности и веры в себя, снова превратив рабочих, с одной стороны, в бесправных и бессловесных наемных рабов, а с другой - в «избирателей», т.е. в простых статистов и марионеток «большой политики».

ИНФОРМАЦИЯ

СИТУАЦИЯ В РОСТОВСКОМ РЕГИОНЕ

Производство на крупнейшем промышленном гиганте региона «Ростсельмаше» заморожено. 2 ноября 1998 г. в одном из цехов намечалось общее собрание рабочих с целью обсудить общую ситуацию на заводе и возможные действия. Администрация немедленно наказала трудящихся за это проявление инициативы, объявив, что работа цеха будет заморожена до апреля 1999 г.

Доступ на завод сейчас открыт, но рабочих там немного - в основном, для поддержания оборудования в работоспособном состоянии и для выполнения мелких бытовых заказов. Администрация оставляет главным образом наиболее лояльных рабочих. Идут и официальные увольнения - из 23 тысяч к ноябрю (за месяц) были уволены 2-3 тысячи. Среди уволенных много ИТР. Оборудование завода продолжает расхищаться руководством завода.

Положение с работой в Ростове-на-Дону отчаянное. Люди в прямом смысле слова вынуждены считать каждую копейку. У многих не хватает денег на еду, и они подкармливаются, выкапывая остатки овощей с колхозных полей. Перспективы на зиму в некоторых районах мрачные. Возможен голод...

В этих тяжелых условиях рабочий комитет «Ростсельмаша» и профсоюз «Рабочее сопротивление» продолжают поддерживать контакты с некоторыми рабочими завода, частью шахтеров (были контакты с региональным комитетом НПГ). Настроение у большинства трудящихся по-прежнему пассивное, люди не хотят бороться, считая все бесполезным. Царит настроение бессилия, агрессивного нежелания что-либо делать.

(Из Ростова-на-Дону по телефону, ноябрь 1998 г.)

В начале декабря представители «Рабочего сопротивления» провели встречу с региональным профсоюзным комитетом (НПГ). Они предложили угольщикам создание областного стачечного комитета. Комитет шахтеров признал идею интересной, но дальше дело пока что не пошло.

Сообщается о забастовках на шахте «Обуховской» в Зверево, о стачках учителей в Новочеркасске (по слухам, власти даже обдумывали возможность введения чрезвычайного положения).

На «Ростсельмаше» цеха по-прежнему стоят: их обещают открыть в январе-апреле 1999 г., но скорее всего завод вообще работать не будет. Работает только заводская ТЭЦ. Администрация продолжает оказывать давление на членов союза «Рабочее сопротивление» в самых различных формах.

Тем временем, КПРФ организовала на заводе так называемый «рабочий контроль». В реальности это всего лишь верхушечная структура при заводоуправлении, не имеющая никакой базы среди рядовых рабочих. Она выставляет свою охрану у ворот вместе с официальной, договариваясь с ней о разделе денег, вырученных за продажу украденной администрацией продукции.

(Из Ростова-на-Дону по телефону, декабрь 1998 г.)

СОБЫТИЯ НА ВЫБОРГСКОМ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ

Два взгляда

В августе 1998 г. был официально признан завод, раннее захваченный трудовым коллективом. Выборгский ЦБК получил статус ЗАО, принадлежащего профсоюзной организации завода. Это стало результатом упорной полуторалетней борьбы работников комбината.

Градообразующий ВЦБК в поселке Советском Ленинградской области был, несмотря на свою рентабельность и новое оборудование, осенью 1996 г. объявлен банкротом, по-видимому, чтобы облегчить его приватизацию спекулянтами. В результате он оказался в руках фирмы «Нимонор», которая называет себя британской, но ни в каких британских реестрах не значится. Фирма объявила о намерении закрыть комбинат как якобы нерентабельный и уволить тысячи его работников, оставив только небольшой лесопромышленный пункт для заготовки и экспорта древесины. Директор уволил сразу 300 рабочих, в том числе часть сотрудников охраны, введя на завод своих вооруженных охранников. В ответ в январе 1997 г. двухтысячный трудовой коллектив, возглавляемый сотрудниками прежней охраны и инициативной группой из 25 человек, выдворил директорскую «гвардию» и захватил завод. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны местных властей, инициативная группа собрала конференцию трудового коллектива, избравшую стачком (он же - профком официальных профсоюзов) на основе прежней инициативной группы. Во главе движения оказались административные работники, председателем стачкома был избран О.Кикибуш, бывший начальник караула в охране комбината. Стачком постановил не пускать на завод представителей фирмы «Нимонор», пока она не внесет всех причитавшихся за покупку комбината денег, пригрозив также перекрыть железнодорожную линию Петербург-Хельсинки и шоссе. Была организована рабочая дружина. Завод начал отбиваться от судебных решений, анонимных угроз и попыток диверсий. «Нимонор» уволил всех работников комбината, парламент Ленинградской области требовал вмешательства прокуратуры, а областной депутат от КПРФ добивался даже посылки ОМОНа. Фирмы, ведущие дела с мятежным комбинатом, подвергаются нажиму и давлению.

6 марта 1998 г. конференция трудового коллектива решила запустить комбинат. Она избрала директором члена стачкома А.Ванторина (бывшего военного летчика, затем профессионального политика и местного депутата, бывшего зам. Генерального директора одного из выборгских предприятий). Но реальная власть на предприятии по-прежнему оставалась в руках профкома-стачкома.

Заводу не хватало денег, запчастей, сырья и материалов. Однако благодаря энтузиазму рабочих, многое принесших из дому, удалось запустить цех по переработке вторичной бумаги (установка по выработке основной бумаги - в процессе запуска, планируется запуск варочного комплекса). Трудоустроено около тысячи работников. Завод охраняется специальной охраной, не пускавшей на него не только представителей фирмы, но и судебные власти.

Хотя счета комбината были блокированы, профком открыл собственный счет, но затем закрыли и его. Тем не менее, удалось заставить фирмы-должников, находящихся на территории комбината, заплатить по неотложным платежам за энергию и воду. Началась выплата зарплаты. При этом было решено платить всем поровну - по 315-320 руб. в месяц (раннее низкоквалифицированные получали 300 тыс., а директор - около 17 млн. руб.). Стачком решает не только проблемы выделения путевок и пособий, обеспечения дровами и лекарствами, но вопросы ремонта дорог, доставание топлива (мазут был приобретен в обмен на ненужные трубы) и химикатов для водоочистки. Стачком выстроил в поселке открытую сцену, помог с созданием в поселке общественных организаций, в частности, «женского совета», который проводит регулярные женские праздники, распределяет гуманитарную помощь, провел «День поселка».

23-24 июля 1998 г. трудовой коллектив ВЦБК провел серию пикетов и блокад, добиваясь регистрации комбината. Вначале была блокирована районная налоговая инспекция в Выборге, а на стадионе поселка был организован митинг: собралась 1 тысяча человек (из 8 тысяч жителей), участники предложили и решили продолжать акцию. На следующий день до 600 добровольцев блокировали шоссе Петербург-Хельсинки. Через 5 минут было получено согласие на регистрацию предприятия. В победном собрании на стадионе участвовали до 2 тысяч человек.

По инициативе одного из сталинистских депутатов Госдума приняла постановление о создании комиссии по изучению ситуации на ВЦБК, после чего вице-премьеры Маслюков и Густов пообещали комбинату финансовую помощь. Но как бы то ни было, совершенно ясно, что решающую роль сыграли именно акции работников комбината.

После легализации комбината на его баланс были переданы объекты инженерной инфраструктуры: тепло-энергетический комплекс, водозабор, очистные сооружения. 10 сентября в поселок начала поступать горячая вода, 23 сентября - отопление. Осуществлен взаимозачет неуплаченной квартплаты и части невыплаченной зарплаты.

Теперь предприятие возглавляет генеральный директор А.Ванторин. Но он отчитывается перед трудовым коллективом на более или менее регулярных сходах. Официальным хозяином предприятия считается заводская профсоюзная организация ФНПР, а фактически всем по-прежнему распоряжается профком.

(По информации бюллетеня Агентства социально-политической информации, № 9/41, октябрь 1998)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ НА ВЦБК

В профкоме ВЦБК мы обнаружили газеты официальных профсоюзов («Единство»), и ленинистских партий (сталинистские «Трудовая Россия» и «Молния», троцкистская «Рабочая демократия»). На наших глазах две женщины вступали в профсоюз. На вопрос, зачем они это делают, одна ответила: «Пришли новые лидеры». Другая пояснила: «Жизнь зажала в такие тиски, что только профсоюз, больше некому за нас бороться». (*Зачем нужен тот, кто будет бороться «за кого-то»? Почему бы не начать бороться за себя самим?* - Ред.). Как здесь понимают профсоюзную работу? К сожалению, по-старому: платить членские взносы, выполнять решения руководство, делать все, что можно. Заводской профсоюз хотя и возглавляется новыми людьми из стачкома, но действует на базе реанимации старого. Соответственно устроен он так же. Но настрой куда более радикален, чем у профсоюзных верхов ФНПР где-нибудь в Москве - настроение боевое от безысходности, поскольку ситуация аховая.

Один из членов стачкома господин В.Киряков, депутат муниципального собрания и председатель комиссии по *распределению муниципальной собственности*, пояснил, что это - антибюрократическая борьба: «Чтобы исполнительные органы прозревали, нужно брать в руки кол и бить их им по голове... Нужно ломать бюрократию, ломать ее власть и представления» (*Совершенно согласны с этой мыслью. Но разве муниципальная власть, к которой принадлежат многие руководители стачкома, - не бюрократическая?* - Ред.) «Наша цель - поставить чиновника на свое место», - продолжает он. - «Он - просто исполнитель, он никто, нанятый человек. Если он бесконтролен - он спрут, он ставит себя над людьми, его надо выбрасывать Взгляд рабочего на чиновника - таков: не мы вам должны, а вы нам должны». Сегодня, по его словам, администрация предприятия отчитывается перед стачкомом, занимаясь в основном решением производственных проблем и поставками. «Внутренняя ситуация принадлежит профкому».

Как видим, на ВЦБК, несмотря на стихийное стремление к самоуправлению, понимают его все еще «по-перестроечному»: плохи не чиновники и начальники вообще, а только неконтролируемые. Против принципа «чиновничества», против наличия особого, отделенного от трудящихся аппарата управления люди пока еще не выступают. Отсюда и иллюзии в отношении думских и местных политиков, и роль профессиональных администраторов и депутатов в движении.

(От спец. Корреспондента бюллетеня «Новое рабочее движение»)

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

О ЦЕЛЯХ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Не могу согласиться с утверждениями, что рабочие терпят поражения из-за «предательства вождей». Это похоже на рассуждения троцкистов, сталинистов, в общем, ленинистов, что СССР развалился из-за предательства Горбачева и Ко, а Октябрьская революция - «преданная» революция.

Рабочие терпят поражение в наши дни потому, что никак не начнут действительно самоорганизованную классовую борьбу, борьбу с классовых позиций. В этом основная причина поражений, а предательство «вождей» - уже второстепенная. Поэтому важно выяснить как можно конкретнее, что значит сегодня борьба классовая. Пролетариату, его зачаточным революционным организациям нельзя быть в понимании реального положения слабее буржуазии, но сейчас это бывает именно так.

Известна такая организация, как «Римский клуб», которая была создана наиболее здравомыслящими представителями буржуазии 30 лет назад. Они еще тогда осознавали, что «не все спокойно в датском королевстве». По их заданию Мидоуз и другие исследователи из Массачусетского технологического института создали модель мировой экономики и провели количественные расчеты, чтобы выяснить, что будет с миром, если оставить все как есть. (Они предсказали неминуемую экологическую катастрофу, - прим. ред.).Так возникла книга «Пределы роста». В общем, через 30 лет подтверждается, что созданная компьютерная модель

близка к реальному развитию ситуации. Самое интересное, что, по сути, представители буржуазии высказались за необходимость глобальной революции, но как ее осуществить, они не знают.

Наша задача проделать эту революцию, но пока подавляющая часть пролетариата требует «хлеба и зрелищ» - этого невозможно сделать. Ведь нужно изменить весь способ жизнедеятельности, то есть изменить и себя, и свои привычки, а это посложнее даже, чем начальника в кабинете заблокировать. Поэтому, если мы заявляем о начале массового рабочего движения, то у нас должен быть и соответствующий уровень осознания проблем. Допустим, если вести речь о российской (да и мировой) промышленности, то ее нужно не просто сохранить, а преобразовать на новой технической основе. В тех же «Пределах роста» показано, что кризис мирового хозяйства начинается в связи с истощением невозобновимых ресурсов. Действительно, развал СССР связан с истощением нефтяных месторождений. Для поддержания объемов добычи приходилось вкладывать туда больше средств, в результате не хватало на другие отрасли. Конечно, истощение почвы, газа, угля, урана тоже внесло вклад в развал Союза. Наша задача - создать принципиально новую энергетику; похоже, что это возможно, так как вроде бы уже есть интересные в этом плане энергетические установки. С другой стороны, нужно менять тип питания, отказываться прежде всего от мяса, так как его производство очень энергоемко, а для здоровья - один вред. Говорить на эту тему с рабочими сложновато, но иначе ничего не получится.

В общем, надо серьезно обсуждать, что, как, зачем производить и потреблять. Нам надо постоянно иметь в виду, что отодвинуть буржуазию от средств производства - это полдела или четверть дела (пусть даже важно и необходимо), но преобразовать технику и самих себя еще важнее.

Товарищ Симонов из Питера (см. статью в №1 бюллетеня) описал ситуацию в рабочей среде заводов и точно подчеркнул желание многих рабочих - жить без затей, не напрягая мозги. Это естественно для раба, поэтому хорошо бы в бюллетене показывать, куда делась «хорошая» жизнь и что она «делась» не вследствие заговора «жидо-масонов» или ЦРУ, а по более прозаическим причинам: оттого, что нефти стало меньше. Во-вторых, надо напоминать, какая она была, эта «хорошая» жизнь и стоит ли ее возвращать, даже если бы это было возможно. В-третьих, напоминать, что нас ждет еще более «замечательная» перспектива, если продолжать «жить без затей», так как скоро и Запад повторит судьбу СССР, а там и до варварства рукой подать. Только грядущее варварство будет весьма отличаться от варварства прошедшего. Причем наступит оно не когда-то, как многим хотелось бы, а уже завтра. Так что большинству ныне живущих не удастся «без затей» дожить до пенсии и своей смерти!

«Условия жизни, которые различные поколения застают в наличии, решают также и то, будут ли периодически повторяющиеся на протяжении истории революционные потрясения достаточно сильны или нет для того, чтобы разрушить основы всего существующего; и если нет налицо этих материальных элементов всеобщего переворота, - а именно: с одной стороны, определенных производительных сил, а с другой, формирования революционной массы, восстающей не только против отдельных сторон прежнего общества, но и против самого прежнего «производства жизни», против «совокупной деятельности», на которой оно базировалось, - если этих материальных элементов нет налицо, то, как это доказывает история коммунизма, для практического развития не имеет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась идея этого переворота» (Карл Маркс).

Сейчас материальные элементы переворота появляются. Надо бы сделать так, чтобы информационный бюллетень способствовал формированию той же самой «революционной массы», потому что она сама по себе с неба не свалится.

ГАРРИ МИНАКОВ
(Ростов-на-Дону)

ИЗ ПИСЬМА СВОБОДНОГО ПРОФСОЮЗА «СОЛИДАРНОСТЬ» (ЯРОСЛАВЛЬ) МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СОЮЗУ ТРУДЯЩИХСЯ (МОСКВА)

В 1994 г. после тщательной подготовки рабочих на предприятии ОАО «Автодизель» был создан Свободный профсоюз «Солидарность». Через 2 недели у меня был отобран пропуск и меня выставили за ворота. Через 2 месяца через городскую прокуратуру я был восстановлен в правах, а профсоюз - в праве на существование. На данное время в профсоюзе где-то 1200 человек, численность относительно численности работающих на заводе (21 тысяча) небольшая. В старом профсоюзе в 5 раз больше. Основные причины: отсутствие желания бороться за свои права, желание, чтобы за них боролись другие, то есть желание «халявы» за счет своих товарищей, и главная причина - это рабская боязнь начальства, у которого наш профсоюз - как кость в горле. Поэтому в нашем профсоюзе фактически сосредоточена, как мы считаем, «элита» рабочего класса, которая уже осознала необходимость личного участия в борьбе и вложение личных средств в эту борьбу.

По Уставу, в профсоюз принимаются только рабочие и рядовые служащие. Основные цели и задачи: заключение коллективного договора и, в первую очередь, по зарплате, компенсации в связи с задержкой (зарплаты) (на данный момент - 6 месяцев), защита от произвола администрации на предприятии, в судах, во всех других органах власти. Многое удается, но бывают и проколы...

Основное, чем привлекает анархо-синдикализм - это рабочий контроль, рабочее самоуправление, отрицание вмешательства чьей-либо власти над профсоюзом - как работодателя, так и всяких политических партий, особенно коммунистической... Однако это, конечно, все пока еще мечты, так как мы знаем, в каком до сих пор «коматозном» состоянии находится наш рабочий, не хочу повторять то, что хорошо опи-

сал... в своей статье Ю.Симонов из С.Петербурга; суть (этого положения) - дезорганизованность и неспособность к каким-либо революционным действиям, и это состояние по всей России-матушке, так что сегодня нам не до революций. И вообще слово «революция» я предлагаю снять, так как история доказала, что от революций народу одни только несчастья. Революция противоестественна нормальному развитию общественно-экономических формаций и отбрасывает развитие вспять... Во-вторых, наши рабочие уже только при слове «анархия» будут шарахаться от нас, так как им 75 лет вдалбливали негативный смысл этого понятия... Еще предстоит работа по восстановлению в головах рабочих истинный смысл понятия анархо-синдикализма.

Далее, я предлагаю не создавать кроме рабочих профсоюзов еще какие-то комитеты, советы, стачкомы и т.д., так как эти организации просто не будут иметь под собой юридической базы. В конституции и законах речь идет только о профсоюзах, а значит только через профсоюзы можно вести борьбу.

В присланном (вами) материале много говорится о рабочем самоуправлении, но как это самоуправление претворяется в жизнь, не понятно. Рабочему, что, нужно после того, как он «отпахал» смену, надо еще куда-то идти и самоуправлять, и это при отсутствии элементарных технических и экономических знаний производства? Представляю, в какой бардак будет ввергнуто производство. Я понимаю: рабочее самоуправление - это когда рабочие профсоюзы нанимают на работу директора с организаторским опытом работы и нужных грамотных специалистов, причем по конкурсу, и платит им каждому по способностям.

Далее, в присланных (вами) материалах отрицаются освобожденные профсоюзные функционеры, дабы они не превратились в зажравшихся чинуш. Значит, опять работяга должен после того, как он отбарабанил смену, физически уставший после шума и вони, заниматься с администрацией переговорами, заседаниями, вести судебные дела, заниматься документацией, и это тогда, когда те, с кем эти дела надо решать, то есть администрация, уже пошли домой, так как они во вторую смену специально для нас оставаться почему-то не желают. Так что это чушь надуманная, толк от которой будет нулевой. Другое дело, что нужно в Уставе забить механизм моментальной смены зажравшегося функционера. Далее, в присланных материалах часто упоминается слово «надо», то есть как надо делать, что надо делать то или иное. Как надо и что надо - это знают все, только делателей этих «надо» днем с огнем не найдешь, так как это самая трудная, тяжелая, черная и неблагодарная работа, на которую идут пока что только единицы. Это же не бизнесом заниматься, где «бабки» заколачиваются, а общественная работа, за которую незамедлительно следует расправа со стороны работодателя, после которой ты остаешься без работы и зарплаты. <u>На прошлой неделе в Ярославле с нашей помощью организован еще один свободный профсоюз, так его председатель уже за воротами и сейчас судится за восстановление на работе тоже с нашей помощью</u>, а рабочие (предприятия), где он работает, и пальцем не шевелят в его защиту; также было и с моим случаем, а в ваших публикациях через строчку - рассуждения про революционный рабочий класс. За 75 лет коммунисты вырезали самых умных и активных людей..., а оставляли молчаливых и покорных рабов..., это, кстати, одна из причин, почему наши рабочие терпят то, что рабочие западных стран никогда бы не терпели, например, невыплату зарплаты, которая доходит до года и более. Поэтому до утверждения вольного коммунизма нам необходимо время и немалое, чтобы привести рабочий класс в состояние готовности борьбы за вольный коммунизм, о котором они на данный момент никакого понятия не имеют. Но я согласен: чтобы наш рабочий класс имел когда-то об этом понятие, то есть о сути анархо-синдикализма, это понятие надо вдалбливать сегодня, чем я со своими товарищами по мере сил и занимаемся, не говоря им, что это есть принципы анархо-синдикализма, так как «анархия» пока еще большей частью рабочих нормально не воспринимается. Вот такие на поверку дела, если спуститься с небес на грешную землю.

...Ваше приглашение о налаживании контактов, конечно, принимается, но какой от этого будет толк, покажет время. Лично я к этому отношусь с некоторым пессимизмом, так как по себе знаю, что дела на местах зависят не от налаживания контактов со сверху созданной организацией, а от создания профсоюзных организаций на предприятиях области снизу, и помочь в этом никакая организация сверху не в состоянии, так как это надо делать руками и головами тех, кто работает на этих предприятиях. Юридическая помощь и техническая база - это, конечно, хорошо, но ее надо иметь на месте, мы же не в Москве живем, так что надеяться надо всегда только на себя и на тех, кто рядом. Однако, возможно, я где-то и не прав, так как в изоляции жить нельзя, возможно, эти контакты помогут не мучаться над созданием того, что уже есть...

Л.В.АФАНАСЬЕВ
от профкома СП Солидарность

ПИСЬМО МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА ТРУДЯЩИХСЯ (МОСКВА) СВОБОДНОМУ ПРОФСОЮЗУ «СОЛИДАРНОСТЬ» (ЯРОСЛАВЛЬ)

Дорогие друзья из СП «Солидарность»!

Мы были очень рады получить от Вас ответ на наше письмо. Нам хотелось бы продолжать поддерживать с Вами тесные контакты, информационный обмен и т.д. Будем рады, если Вы станете присылать информацию о том, что у Вас происходит, почаще. Мы рассылаем наш бюллетень по сетке имеющихся у нас адресов рабочих инициатив и групп, более или менее независимых от партийного и политического контроля. Нам кажется, что и Вы и они (эти группы) только выиграют, получив больше сведений друг о друге.

Именно в этом мы сейчас заинтересованы больше всего. Мы полностью разделяем высказанный Вами скептицизм в отношении любых ор-

ганизаций, созданных сверху. Совершенно согласны и с тем, что все сейчас зависит, в первую очередь, от активности самих людей на местах. Поэтому если Вы поняли нас так, что мы пытаемся учредить какую-то вертикальную структуру, сверху, то это просто недоразумение. Речь может идти только о налаживании регулярного сотрудничества между существующими и работающими «внизу» инициативами.

Мы рассматриваем наш МПСТ как одну из таких инициатив, без каких-либо претензий на истину в последней инстанции. Тем не менее, мы не скрываем наших взглядов и надеемся, что распространение нами позитивного мирового опыта борьбы трудящихся может оказаться полезным для становления и развития нового рабочего движения в нашей стране. Свободное обсуждение этого опыта, во всяком случае, важно для развития общественного сознания трудящихся, дает им основу для того, чтобы думать самостоятельно, учиться делать самостоятельные выводы и действовать более осознанно, не повторяя ошибки, чреватые новыми поражениями.

Вот почему нам бы хотелось высказать соображения в отношении некоторых высказанных Вами положений.

Прежде всего, мы отметили известную «законопослушную» тональность Вашего письма, ориентацию на «юридическую базу», конституцию и т.д. Нет сомнений, трудящиеся в своей борьбе вполне могут использовать легальные юридические возможности (почему бы нет, в конце концов их всем нам не просто подарили «за красивые глаза», это тоже результат предшествовавшей борьбы). Но, на наш взгляд, этого совершенно недостаточно. Мы с Вами хорошо знаем на примере истории страны, в которой живем, что те, кто стоит у власти, в любой момент готовы разодрать в клочья любые «гарантии», как только сочтут это более выгодным для себя. С ними можно разговаривать только с позиции силы, другого языка они просто не понимают. И лучший силовой инструмент, который есть у трудящихся - это, конечно же, забастовка.

Здесь еще одна причина, по которой мы не согласны с Вашей мыслью о том, что «от революций народу одни только несчастья». Хотя, если Вы имеет в виду именно политические революции, то есть перевороты с целью захвата политической власти, государства и т.д., то Вы, вне всякого сомнения правы: тут всегда получается по народной поговорке «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!». Ваше нежелание участвовать в такого рода «революциях» мы вполне и целиком разделяем. Но, говоря о революции, мы используем это слово не в традиционном ленинистском понимании политического переворота, борьбы армий и т.д., а в смысле «социальной революции», так как это понимается в анархо-синдикализме. Речь идет, к примеру, о всеобщей экспроприационной стачке, то есть о всеобщем захвате трудящимися своих предприятий, учреждений, служб и др., о лишении капиталистов и государства владения производством. Это ведь тоже революционный, силовой акт, поскольку те, кто правит нами и покупают наш труд, вряд ли добровольно откажутся от своей власти и собственности. Но такая революция отнюдь не означает борьбы за политическую власть, всеобщего хаоса и разрушения: она означает всего лишь отстранение паразитов с тем, чтобы общественный механизм мог отныне работать беспрепятственно.

Разумеется, Вы совершенно правы, когда говорите, что для подавляющего большинства рабочих слова «революция», «анархия» и т.д. звучат пугающе. Но это уже вопрос конкретной агитационной работы, искусство объяснения и подбора слов. Если люди смогут договориться по существу, то о словах-то они уж как-нибудь тем более договорятся!

Следующее соображение касается рабочего самоуправления. Вы опасаетесь, что если рабочему «после того, как он «отпахал» смену, надо еще куда-то идти и самоуправлять», причем «при отсутствии элементарных технических и экономических знаний производства», то это производство будет «ввергнуто в бардак». Поэтому Вы сводите рабочее самоуправление, по существу, к контролю над директорами и управленцами, которых будут «на конкурсной основе» нанимать рабочие профсоюзы, платя им сверхвысокие оклады.

Давайте разделим этот вопрос на два момента: целесообразность и возможность осуществления. С точки зрения целесообразности, нам не кажется, что предлагаемая Вами модель так уж сильно отличается от той, которая существует сегодня. Это - обычная модель буржуазной демократии, когда население (или в нашем варианте - трудовой коллектив, профсоюз и т.д.) выбирает себе депутатов, президентов (директоров, начальников) на определенный срок, в течении которого «господин-товарищ начальник» что хочет, то и творит, лишь к моменту следующих выборов вспоминая о своем «электорате» и о необходимости выдать ему очередную подачку. Все попытки реально контролировать любую власть в промежутке между выборами нигде и никогда не удавались, в чем, собственно, и состоит проблема. Именно это позволяет начальникам (экономическим и политическим) спускать свои решения сверху вниз, считаясь с нами только тогда, когда это им не слишком невыгодно. Иными словами, предлагаемая Вами модель не устранит иерархию, командование, принятие решений сверху вниз, неравенство, подчиненность и рабство человека труда, просто лишь несколько усовершенствует «обратную связь» между господами и рабами, дав первым еще один дополнительный канал для того, чтобы дергать за ниточки, внушая все, что им нужно, обманывая именно там и тогда, где и когда это особенно нужно. Наша задача состоит в том, чтобы вообще устранить систему командования, режим «приказ-подчинение», принятие решений сверху вниз. Только тогда трудящийся станет действительно свободным.

Теперь: возможно ли это на практике? Мы, члены МПСТ, практически все имеем тот или иной опыт наемного труда, поэтому нас нельзя упрекнуть в том, что мы «далеки» от реальных экономических проблем и отношений. Каждый из нас видит, как обстоят дела на его рабочем месте. Поэтому мы можем подтвердить: большинство нынешних трудящихся от этого очень далеки. Но если мы хотим когда-нибудь достичь этого в принципе, то начинать работать над этим надо уже сейчас, налаживая рабочий контроль, организуя курсы для рабочих по изучению производства, налаживая прямой контакт сни-

зу с рабочими со смежных предприятий и т.д.

Но может ли вообще работать производство на неиерархической основе, спросите Вы. «Советская» партноменклатура считала, что нет и в этом с ней едины нынешние владельцы и администраторы заводов, торговых компаний и банков, как и принадлежащие им СМИ. Но реальный опыт показывает, что может, что для управления производством достаточно регулярных (совершенно не обязательно каждый день) общих собраний на предприятиях или (если они очень большие) в цехах и подразделениях, организации советов делегатов от цехов и подразделений или совета делегатов работников. Вполне можно работать и без единоначалия, на основе коллективных обсуждений и принятия решений снизу вверх. Но важно, чтобы эти люди, которые будут осуществлять техническое управление в промежутках между общими собраниями и на основе их жестких наказов и поручений, были полноправными членами этого коллектива, а не пришлыми наемными «варягами», для которых интересы работников всегда будут чужими.

О том, что такая система вполне работоспособна, свидетельствует опыт коммун Арагона во время испанской революции 1936 г. (экономический комплекс с числом в 400 тысяч человек), израильских кибуцев и различных предприятий, захваченных трудовыми коллективами (об одном таком опыте - на французском часовом заводе «ЛИП» - мы публикуем материал в №2 бюллетеня).

Важной предпосылкой для более активного участия работников в деле контроля над производством является свободное время. Вот почему одна из задач рабочего движения, на наш взгляд, - это борьба за сокращение рабочего времени с сохранением уровня зарплаты (требование многих профсоюзов мира).

С проблемой «начальников» связан и вопрос об освобожденных профсоюзных функционерах. Мы - не наивные дети и прекрасно понимаем горькую реальность: на фоне пассивности подавляющей массы работников на активистов падает такая гигантская нагрузка, что профработа занимает подчас практически все их время и силы. Но не стоит делать из нужды добродетель, объявляя профдеятельность без освобожденных работников «чушью надуманной». Нам все-таки кажется, что вполне можно активно работать и без оплачиваемых функционеров. И это опять-таки не выдумка далеких от жизни «интеллигентов», а практический опыт многих рабочих союзов в мире. Испанский анархо-синдикалистский рабочий союз CNT, насчитывавший почти 2 миллиона членов и совершивший революцию 1936 г., практически не имел освобожденных функционеров (за исключением одного секретаря на всю Испанию, в Арагоне, о котором мы говорили выше, не было, таким образом, вообще ни единого платного функционера). Но даже сейчас небольшие, но весьма активные и боевые рабочие союзы могут успешно организовать работу снизу вверх, широкое стачечное движение и разветвленную работу с местным населением, не имея ни одного освобожденного профработника. Так действует современная испанская CNT, инициировавшая, например, в 1986 г. мощное выступление рабочих-кораблестроителей в Пуэрто-Реале (об этом опыте самоуправляемой борьбы без функционеров и начальников см. также в №2 нашего бюллетеня).

Очевидно, что до практического достижения такого уровня борьбы всем нам сегодня еще очень далеко. Но, повторим, работать надо начинать уже сейчас, несмотря на эту проклятую всеобщую пассивность, даже тем более по причине ее. Ведь вместо таких небольших активных групп, как Ваша, ростовская, наша и может быть еще несколько, нашу (подготовительную) работу сегодня делать некому.

Всегда с Вами в Вашей борьбе и в надежде на развитие сотрудничества,

МПСТ

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

МОГУТ ЛИ РАБОЧИЕ САМИ УПРАВЛЯТЬ ЗАВОДОМ?

История борьбы рабочих французского завода «ЛИП»

Настоящий материал, который мы перевели с немецкого языка, описывает практический опыт захвата рабочими одного из французских заводов и превращения его в рабочий кооператив. Мы хорошо понимаем всю разницу условий и ситуации, но думаем все же, что этот опыт может оказаться полезным и для наших рабочих, которые решат взять свое предприятие с собственные руки. Особенный интерес представляют, на наш взгляд, этапы и формы борьбы, организация управления захваченным предприятием, его конверсия и перестройка хозяйственной и производственной деятельности (внимание, рабочие «оборонки»!!).

Читайте, товарищи, и применяйте на практике. Желаем успеха!

В истории европейского рабочего движения после второй мировой войны нет другого примера столь длительной борьбы на предприятии, которая вызвала бы к жизни столько политической энергии и творческой фантазии, как события на часовом заводе «ЛИП» около французского города Безансон... Рабочие «ЛИП» на практике осуществили лозунг: «Жить и работать по-иному!»

...В начале 70-х гг. в результате покупок ряда мелких фирм и сильной конкуренции со стороны фирм, производящих дешевые часы, «ЛИП» столкнулся с финансовыми и производственными трудностями. В 1971 г. многолетний директор завода ушел в отставку. Новое руководство... через два года тоже покинуло свои посты. Суд назначил двух временных управляющих. Слухи о предстоящем закрытии и увольнениях заставили рабочих действовать. В результате переговоров двух профсоюзов, действовавших на заводе, были организованы Комитеты действий (КД), которые представляли всех рабочих, как членов, так и не членов профсоюзов.

КД обсуждали соответствующие методы борьбы, проводили собрания в цехах и договорились с рабочими начать кампанию по замедлению темпов работы. Тем не менее, управляющие заявили, что не дают гарантии сохранения рабочих мест и что жертвы со стороны трудового коллектива неизбежны. В мае 1973 г. собрание работников «ЛИП» приняло решение распространить замедление темпов работы на весь завод. Одновременно была начата кампания листовок и плакатов в цехах, бюро и т.д.

Выбор замедления труда в качестве формы стачечной борьбы был продуманным и осознанным актом. Классическая стачка, часто сопровождающаяся уходом с рабочих мест, нередко требует слишком большого напряжения сил со стороны работников. Длительная забастовка вызывает исчерпание финансовых ресурсов рабочих и их организаций; организация за пределами фабрики часто затруднена и уязвима для раскольнической стратегии предпринимателей, на которых работает фактор времени... Преимущество формы борьбы, которую избрали рабочие «ЛИП», состоит в попытке перехватить и удержать инициативу в принятии решений. Определяя темп и ритм работы и осуществляя тем самым рабочий контроль, они наносили предпринимателям убытки, не лишаясь заработной платы. Кроме того, эта форма сопротивления требует высокой степени сплоченности и самодисциплины, чтобы противодействовать давлению и постоянному надзору со стороны начальства...

В течение трех недель производство было сокращено на 90%. Замедление производства оказалось весьма действенным средством для того, чтобы взять ход борьбы в собственные руки и укрепить «внутреннюю солидарность». За установлением «внутренней солидарности» должна была последовать внешняя. Началась «популяризация» борьбы, систематическая контрпропаганда, без которой пример «ЛИП» не стал бы так известен. Работники начали распространять листовки в пригородах и в городе, блокировать движение транспорта, в том числе поездов, проводить собрания перед другими предприятиями и супермаркетами. Рабочие обзавелись собственным пропагандистским грузовичком с мегафонами. За этим последовала демонстрация, на которую вышли 5 тысяч человек.

В июле действия рабочих достигли апогея... Рабочие заперли в комнате представителей администрации и обнаружили в их портфелях планы, предусматривавшие закрытие предприятия и увольнение 450 рабочих. Ночью полиция освободила захваченных. В ту же ночь рабочие вывезли с предприятия 25 тысяч часов и спрятали их. Их лозунг гласил: «Заменим живых заложников на материальных». На следующий день общее собрание работников одобрило этот акт и решило начать забастовку с захватом предприятия. На следующие дни с фабрики было перевезено в различные укрытия еще несколько партий часов. Всего их было вывезено до 60 тысяч.

Пиком второй пропагандистской волны стала региональная демонстрация солидарности с участием около 15 тысяч человек. Через 3 дня, 18 июля рабочие по предложению комитета действий и профсоюзов решили запустить два сборочных конвейера и наладить продажу часов под собственным руководством, чтобы обеспечить выплату зарплаты. Были образованы различные комиссии: по изготовлению, по продаже, по управлению, по складированию, по приему посетителей. С этого момента над воротами был вывешен транспарант: «Это возможно: мы производим, мы продаем».

Свыше 400 предприятий заказывали часы. В течение 8 недель было продано 62 тысячи часов на сумму свыше 9 миллионов франков. Товар продавался по фабричной цене, которая была на 40% ниже магазинной. Покупка разрешалась только отдельным лицам и делегациям от предприятий; промышленнику из Кувейта с миллионами в чемодане, который хотел сделать закупки, указали на дверь. Рабочие заявляли: «Продажа часов - это только средство, а не цель. Именно это следовало объяснять покупателям, которые наводили справки или стремились к хорошей сделке: мы черпаем свои силы не из продажи, а из вашей политической поддержки». «Каждые проданные часы должны стать знаком нашей борьбы. Поэтому комиссия по приему принимает каждого посетителя и до или после покупки объясняет ему смысл нашей борьбы».

Возобновление производства было названо «активной стачкой». Рабочие говорили: «При капиталистической экономической системе фабрика не может работать на благо рабочих. Это невозможно! Это немедленно повлекло бы за собой бойкот всех продукции, бойкот при распределении, и операция провалилась бы. Поэтому мы не говорим о самоуправлении». Они определяли свою акцию как «рабочую самооборону». Но в этом скрывался не только оборонительный момент сопротивления против уничтожения рабочих мест, но и наступательный - творческий потенциал, направленный против капиталистических структур. Производство велось уже не так, как прежде. Исчезла иерархическая организация труда на предприятии. Разделение труда и некогда жестко закрепленные производственные и квалификационные задания были заменены ротацией (переменой) задач и ролей; организовано коллективное обсуждение производственных программ...

Активная стачка освободила рабочих от их роли объекта, открыла им свободные пространства для экспериментирования и самореализации. Они составляли листовки, обсуждали действия, объясняли посетителям свою борьбу, брали на себя ответственность за другие, раннее неведомые им действия. Этот постоянный процесс учебы высвобождал силы, выходящие далеко за пределы капиталистической системы, как говорили рабочие - к «иной системе, которая дает рабочим возможность развивать все свои способности, развернуть все богатство того, что содержится в них самих».

В августе сами рабочие выплатили первую зарплату. Общая сумма выплаченных средств составила 2100 тысяч франков. Через 2 недели предприятие было захвачено 3000 жандармами. Тысячи французских рабочих начали забастовку солидарности - в окрестностях и в других районах страны, на почте, на железной дороге.

Несмотря на изгнание с предприятия, трудовой коллектив «ЛИП» продолжал активную стачку. Он проводил ежедневные общие собрания в пригородном кино, а комиссии

размещались в спортзале, предоставленном муниципалитетом. Зал был объявлен новой фабрикой:... «ЛИП» там, где находятся рабочие»».

Ежедневно производились 100 пар часов, продажа продолжалась. Полицейские обыски не дали результатов, «военная касса» не была найдена. Полным ходом шла пропагандистская кампания. Люди с завода начали выпускать еженедельную газету с рассказами о проблемах и успехах борьбы. Ее тираж вырос с 5 до 50 тысяч. Был опубликован также боевой манифест «Борющийся «ЛИП» обращается ко всем рабочим», в котором содержался пример следовать его примеру борьбы. Брошюра вышла тиражом в 1 миллион экземпляров. Газета стала инициатором нового типа рабочей информации в обход прессы любых направлений и пропагандистских аппаратов профсоюзов. Формируя круг распространения в соответствии с потребностями борьбы и создаваясь коллективно, она порывает с традиционными формами информации как товара и с профессиональным журнализмом.

Стратегию контрпропаганды дополнило создание фильма и видеоматериалов об акциях на заводе «ЛИП». С этим фильмом делегации выезжали в различные места Франции, а также в Италию, Швецию, Великобританию и т.д. Эта информационная деятельность оказалась крайне необходимой: хотя «ЛИП» в течение многих месяцев был вызовом для буржуазной системы, радио и телевидение очень редко сообщали о нем. По большей части распространялись мнения политиков... Рабочим «ЛИП» слова почти не предоставляли, а если их мнение цитировали, то в урезанном или искаженном виде... Поэтому трудовой коллектив «ЛИП» считал распространение информации о своем опыте одним из своих важнейших видов оружия. В работу соответствующих комиссий было вовлечено до 200 человек.

В сентябре 1973 г. был организован «марш на Безансон». Рабочие делегации со всей Франции и из-за границы образовали колонну в 80-100 тысяч человек, которая, несмотря на проливной дождь, продемонстрировала свою солидарность с «ЛИП».

В январе 1974 г. один промышленник предложил план нового открытия завода, который в основных своих пунктах совпадал с прежними требованиями рабочих: отказ от частичного закрытия и трудоустройство 900 рабочих (к этому времени из 1300 рабочих завода на нем оставались как раз 900 человек)... 8 марта суд одобрил создание новой компании, и на следующий день полицейские части покинули территорию завода после 6-месячной оккупации. Рабочие вернули обратно свой «боевой запас» часов и вывезенные ими с завода машины.

Новая фирма работала 2 года, до мая 1976 г., когда вспыхнул новый конфликт. В апреле Административный совет решил прекратить выплату зарплаты, поскольку убытки фирмы составили якобы 1 миллион франков в неделю. Логическим результатом была ликвидация фирмы.

Рабочие снова захватили предприятие. Но в отличие от 1973 г. вся ситуация в целом выглядела гораздо хуже. В стране было свыше 1 миллиона безработных, положение безработных улучшилось (они получали до 90% прежней заработной платы).

Как и в 1973 г., были организованы действенные пропагандистские кампании, например, поезд Безансон-Париж был оклеен плакатами «ЛИП будет жить!». Позиция коллектива выглядела следующим образом: «Мы должны доказать, что предприятие может выжить. Мы должны повысить технический уровень при одновременном расширении перечня производимых товаров».

В распоряжении «ЛИП» находился прекрасный потенциал для такого расширения: наряду с почти всеми технологиями в сфере изготовления часов, «ЛИП» обладает также технологиями во многих других сферах - пластмассовой, механике, точной механике, электронике, исследовательских работах и т.д. Эти преимущества быстро убедили рабочих, что «ЛИП» жизнеспособен и необходим для часовой промышленности... Для обеспечения экономического развития региона, отрасль должна быть организована вокруг нескольких «ключевых предприятий» (включая «ЛИП» с его исследовательским отделом и его технологиями), что позволит увеличить список категорий производимых товаров. Это возможно, поскольку технология в сфере часовой промышленности ведет к другим технологиям в сфере электроники, точной механики и производстве медицинских приборов. И такое расширение необходимо для сохранения занятости и уровня развития в регионе... В сентябре 1976 г. некоторые «экспериментаторы» даже открыли отделение по производству медицинских приборов и приборов точной механики...

Все это было сообщено местным политикам и левым партиям, чтобы они смогли воздействовать на различных уровнях, но все их попытки наталкивались на сопротивление государства и предпринимателей... Июль 1977 г. был для рабочих 15-м месяцем захвата, но все их усилия не приносили решения проблемы, предприниматели стояли на своем. Люди перестали получать пособие в размере 90% зарплаты; теперь им приходилось довольствоваться лишь 35% зарплаты...

Все это привело рабочих к следующим решениям:

1. Продажа часов. Их надо производить и продавать, чтобы иметь возможность выплатить оставшуюся зарплату (с июля 1977 г.).

2. Развитие и расширение деятельности Комиссий по ремеслу и Комитетов безработных с двоякой целью:

а) они должны вести общую кассу, необходимую для работы с общественностью;

б) они должны установить и развивать солидарные связи с безработными, создавая учреждения, находящиеся в их распоряжении (рестораны, коллективные закупки).

3. Проведение исследований в промышленной и торговой сфере, изучение рынков, прежде всего в области изготовления часов, механики, точной механики, производства медицинских приборов, технологического трансферта и т.д.

Эти комиссии приобрели большое значение и при конкретизации их деятельности возникла необходимость их юридического оформления. В этот момент появилась проблема создания «кооператива». Прошли 3 месяца, прежде чем были приняты соответствующие решения. 8 ноября 1977 г. общее собрание рабочих проголосовало за создание рабочего

кооператива с целью возобновить производство с марта-апреля следующего года...

Как выглядит жизнь и труд в этом кооперативе, пояснял в интервью рабочий «ЛИП» Рене:

«Теперь, в нашем кооперативе мы живем не так, как прежде. Конечно, стало труднее, но это новая жизнь, фантастическая, куда лучше, чем прежде. Прежде всего, мы вместе принимаем решения. У нас есть лишь выборные ответственные за те или иные участки, но никаких шефов нет... Можно менять вид своего труда, делать вещи, которые раньше были невозможны... По-моему, у нас теперь гораздо больше стимулов. Мы даже работаем сверхурочно бесплатно, если это необходимо, если работу обязательно надо сделать. Раньше мы такого не хотели...

Кооператив признан государством, платит налоги, выплачивает зарплату и соцстраховые взносы за 43 человека, которые официально числятся занятыми. На сегодняшний день кооператив не может оформить больше народу. Но цель, естественно, состоит в том, чтобы обеспечить твердую занятость всем 380 рабочим. Мы хотим создать и новые рабочие места... Мы планируем до конца 1979 г. оформить 150 человек, затем до конца 1980 г. - 300, до конца 1982 г. - 600-650. На практике сегодня нет никакой разницы, оформлен у нас человек официально или нет. Те, кто формально не имеет постоянной работы, живут по-прежнему за счет нелегального производства и нелегальной продажи...

В дополнение к производству часов мы создали ремесленные бригады. Например, одна из групп изготовляет игру «Шомополия»... Есть у нас столярная группа. Каждый делает, что может. Например, есть женская бригада, занимающаяся швейными работами, другая оживляет старинные гончарные традиции региона... Раньше «ЛИП» изготовлял много военной продукции. В наши руки попал целый склад, и мы превратили все в предметы быта и обихода. Например, из ракетной боеголовки мы сделали маленькие песочные часы. Многие из тех, кто раньше работал в сфере производства вооружений, прошли переобучение и теперь изготовляют медицинские инструменты...

Мы сами принимаем решения об условиях на фабрике... Например, о том, какие машины мы используем. Мы составили список всех машин, которые не в порядке или которые мы больше не хотим использовать. Затем мы утвердили это на общем собрании.

В бригадах... мы сами избираем ответственных - кого-нибудь из нас самих. Нет больше никаких начальников, мы сами решаем, что и как нам производить...

У нас есть Наблюдательный совет из 7 рабочих, избираемых общим собранием и переизбираемых в любой момент. Затем он избирает на 3 года Директорат из 3 рабочих, которые могут быть отозваны этим советом. Важнейшие решения принимают все вместе на общих собраниях; если Наблюдательный совет сознает важность решения, он сам выносит его на общее собрание... Члены Директората и Наблюдательного совета получают столько же денег, сколько остальные, это рабочие, это мы сами...

Размеры зарплаты определялись на основе прежней ставки... Мы урезали наиболее высокие заработки и подняли наиболее низкие, придя к шкале средних ставок зарплаты... Самоорганизация помогает нам укладываться в наш весьма небольшой бюджет. У нас есть собственная столовая, магазин, автомастерская, парикмахерская, детский сад; все это - на территории фабрики, охвачены практически все области человеческой жизни. В магазине работают, например, 7 рабочих, которые занимаются оптовой закупкой продуктов питания, одежды, всего необходимого и продают это затем по той же самой цене. Это выходит на 15-50% дешевле, в зависимости от товара. Магазином и столовой пользуются и многие безработные...

Разумеется, мы работаем в трудных условиях. Скажем, ток у нас есть только потому, что мы сами починили электропроводку, которую нам перерезали в ноябре 1978 г. Целую зиму нам пришлось работать без отопления.

Что касается поставщиков, то, несмотря на позицию государства, у нас больше нет с ними трудностей. Завод снабжается нормально; они нас признали.

Заказы нам поступают с обычных предприятий, даже крупных. Даже с почты, которая находится в руках государства!..

Раньше у нас были проблемы, когда, например, они пытались украсть у нас машины или часы. Когда возникла угроза вывоза машин, мы забаррикадировались, как во время первой мировой войны. Мы окружили территорию фабрики рвами, стенами, колючей проволокой, демонтировали части машин. Четыре раза они конфисковывали у нас часы, однажды целых 8 тысяч штук..».

К июлю-августу 1979 г. комплекс «ЛИП» состоял из:

■ Кооператива Промышленность Паленте». Он стремится создать рабочие места, делая упор, в первую очередь, на промышленное оборудование и технологии: производство часов, точную механику, изготовление корпусов для часов. Этот кооператив возник в январе 1978 г. и разработал план деятельности на 5 лет...

■ Кооператива «Художественно-ремесленная комиссия Паленте». Учитывая, что промышленный кооператив в настоящее время не может создать рабочие места для всех, работники создали этот кооператив. Он производит различные изделия из дерева, тканей, организовал типографию.

■ Кооператива «На дороге Паленте». Речь идет о потребительском кооперативе с рестораном, магазином, парикмахерским салоном, мастерской по производству потребительских товаров. Официально он еще не был создан, но должен был вот-вот оформиться.

■ Гражданского объединения «Промышленные исследования Паленте». Это своего рода исследовательское бюро, которое уже заключило соглашение с Алжиром о постройке часового завода. Изучается еще один договор.

■ Ассоциации «Медицинских и микромеханических материалов». Ее возникновение относится к 1976 г. Она начала с исследований в области медицинского и хирургического оборудования, но после ухода с «ЛИП» большинства инженеров вынуждена была переориентироваться на ремонт оборудования для больниц.

■ Ассоциации «Коллектив исследования и образования». Эта группа, в которую входило около 20 человек, занималась двумя вещами. Во-первых, около 12 ее членов заканчивали курс в Парижском университете. Во-вторых, вся группа участвовала в исследованиях промышленности и ремесла в регионе; некоторые ее члены - в различных образовательных мероприятиях и курсах.

■ Ассоциации Друзей «ЛИП». Ее составили рабочие и сторонники «ЛИП», которые не занимались непосредственно работами, а вносили свой вклад в общую борьбу своей солидарностью и финансовой поддержкой.

(Из книги: В.Хольштайна и Б.Пента «Альтернативные проекты». Райнбек. 1980. Перевод с немецкого)

САМОУПРАВЛЕНИЕ В БОРЬБЕ

Опыт Пуэрто-Реаля

Конфликт вокруг судостроительного и судоремонтного комплекса в южно-испанском, андалусийском городке Пуэрто-Реаль разгорелся в 1986 г. Готовясь вступить в Европейское сообщество, правительство Испании, возглавляемое социалистами, приступило к широкой «реструктуризации» индустрии. Как и в случае, например, с российской угольной промышленностью, за этим словечком скрывалось намерение закрыть те предприятия или целые отрасли, которые, с точки зрения властей или частных предпринимателей, не приносили должного дохода и, тем самым, служили препятствием на пути «жесткой экономии» и «рыночных реформ». Так, на верфях намечалось сократить тысячи рабочих мест. Но эта попытка встретила ожесточенное сопротивление рабочих.

К моменту конфликта работники верфи Пуэрто-Реаля не имели работы около 5 лет. По планам правительства, верфь должна была быть закрыта как не приносящая дохода. В ответ вспыхнула стачка, сопровождавшаяся захватом предприятия.

Из 4 тысяч работников верфи 2 тысячи входили в официальные профсоюзы - просоциалистический UGT и «прокоммунистические» Рабочие комиссии. Эти вертикальные профцентры, имеющие освобожденных работников и получающие разнообразные субсидии от государства, были против радикальной борьбы. Но на верфях действовала и небольшая секция анархо-синдикалистского рабочего союза - CNT. Эта организация не имеет никаких освобожденных работников, все ее активисты занимаются профсоюзной работой по окончании рабочего времени и не получают за это никакой оплаты. Решения в CNT принимаются на общих собраниях, а участники ее конгрессов, конференций и секретариатов - всего лишь делегаты снизу, действующие строго в рамках наказов тех собраний, которые их направили. Такая структура не только не препятствует активной работе союза, но и помогает ей, придает ей радикальность и независимость от властей и предпринимателей.

CNT придерживается принципа самоуправления не только в своей внутренней организации, но и в рабочей борьбе. «В течении многих лет накопления опыта и развития борьбы, продолжавшихся в Пуэрто-Реале, быть может, на протяжении 15 лет, мы пришли к форме организации, которая находится в состоянии постоянного диалога. Эта организация открывает возможности решения конкретных проблем вне парламентской арены. Наиболее важным я считаю то, что нам удалось создать структуру, предусматривающую проведение постоянных ассамблей (общих собраний). Иными словами, решение этого конкретного конфликтов осуществлялось людьми, непосредственно вовлеченными в него», - рассказывал активист местной CNT Пепе Гомес.

Хотя членов CNT на верфи и в городе было не так уж много, им удалось убедить работников предприятий и других жителей в необходимости самоорганизации борьбы. Руководство ею не сосредоточилось в профсоюзных комитетах и иных представительных органов. Все основные решения принимались непосредственно трудящимися на их общих собраниях. Характерно, что эти ассамблеи рабочих проходили независимо от функционеров официальных профсоюзов; предложения CNT всегда принимались вопреки попыткам других профсоюзов, которым не удавалось добиться принятия своих предложений. То, что предложения CNT принимались единодушно, было крайне важным аспектом этого конфликта.

По инициативе CNT каждую неделю проводились общие собрания рабочих на верфях Пуэрто-Реаля. «Каждый четверг мы захватывали офис одной из верфей на время с 7 часов утра до 3 часов пополудни. Когда верфь была слишком большой, мы могли только сооружать баррикады в нескольких ключевых местах. По окончании захвата мы защищали отступающих людей от полиции, отход прикрывали наши товарищи на одном или двух кораблях, вооруженные катапультами и другими вещами», - вспоминал Пепе Гомес.

Во время стачки в городах и селениях района еженедельно проводились и общие ассамблеи жителей. И каждый, кто был заинтересован в конкретной теме, будь он работником верфей или других предприятий, женщиной, ребенком, стариком, мог придти на эту ассамблею жителей, голосовать, участвовать в процессе принятия решений по интересующим его вопросам. Так была создана структура, резко отличавшуюся от той, какая характерна для политических партий и при которой решения принимаются наверху и спускаются вниз. «То, что мы делали в Пуэрто-Реале, было решениями снизу вверх», - говорили члены CNT.

На общих собраниях принимались решения о конкретных мерах и формах борьбы, о проведении актов саботажа и прямого действия. Телефон отключался, вся провинция на целый день оставалась без телефонной связи.

Против мятежного городка были брошены ударные силы. Свыше 1 тысячи полицейских со всех концов страны были стянуты в Пуэрто-Реаль в попытке прекратить выступления. В ответ люди стали сооружать бар-

рикады на окраинах города, не желая пропускать полицию. Люди бросали с крыш горшки, мебель, всякий хлам в полицейские машины. Они вступали в уличные бои с полицией. Железная дорога была также перерезана баррикадами, срублены телеграфные столбы. Когда город должен был посетить король, CNT, чтобы привлечь внимание к конфликту, приняла решение блокировать дорогу и единственный мост, соединяющий Кадис с Пуэрто-Реалем - место, важное в стратегическом отношении. Чтобы король не смог проехать, были снова воздвигнуты баррикады.

В борьбе участвовали не только сами рабочие верфей, но и члены их семей, соседи, все, кто им сочувствовал. Вот рассказ одной из женщин, принимавших участие в движении в Пуэрто-Реале:

«Женщины начали участвовать в борьбе после того, как одна их них сказала, что нам всем предстоит работа, поскольку в четверг наши мужчины столкнулись с полицией и пострадали от репрессий на верфях, а СМИ называют их всех террористами. Эта женщина взяла на себя инициативу связаться с соседями и друзьями. В свою очередь, они завязали контакты со многими группами женщин и те стали каждый четверг демонстрировать с мегафоном, встречаться с другими сочувствующими женщинами... Мужчины были на верфях, куда женщины не могли проникнуть, а мы боролись в городе. По четвергам, когда мужчины переносили свою борьбу в город, мы вместе шли на демонстрации, и так мы быстро создали большую группу автономных и независимых женщин... Был избран координационный комитет из 6 женщин, но он не принимал никаких решений, только координировал. Решения принимались на ассамблеях по пятницам, там вносились предложения и проводились голосования... Мы начинали со 100 женщин и выросли до 500... Мы блокировали автодорогу... Большинство женщин было из семей рабочих верфей, однако некоторые - женщины из округи...».

Борьба рабочих верфей Пуэрто-Реаля была активно поддержана по всей стране. «Конечно же, мы получили очень большую поддержку от других организаций CNT. По всей стране, от Галисии до Барселоны, проводились митинги. Поступала и экономическая помощь. Одна из самых важных, ключевых вещей в конфликте состояла в том, что CNT была сильна в самом Пуэрто-Реале. Самая большая помощь поступала из самого города. Рабочие, занятые в различных отраслях..., поддерживали борьбу», - вспоминал Пепе Гомес.

После упорной многомесячной борьбы и непрерывных выступлений рабочим удалось одержать частичную победу. План закрытия верфей был оставлен. Предприятия получили контракт на ремонт судов, а позднее - и заказ на строительство экологических судов-катамаранов. Трудящиеся добились и существенных социальных завоеваний. Досрочно ушедшие на пенсию в 55 лет в течении 9 лет (до 64 лет) получили право на пенсии, полностью, на 100% привязанные к заработкам тех, кто продолжает работать, то есть с учетом всех повышений зарплаты в следующие годы. Удалось достичь более справедливого, солидарного и равномерного распределения труда: если работы не хватает, часть работников может работать в течении двух месяцев, а другие в это время не работают. Но все получат 100% зарплаты. После 2 месяцев к работе приступает следующая группа и т.д.

Возможно, рабочим удалось бы добиться и большего, скажем, не только остановки «реструктуризации», но и полной отмены ее. Но официальные профсоюзы UGT и «Рабочие комиссии» не желали проявления самостоятельности рабочих, которая к тому же портила политические и предвыборные расчеты их партийных шефов. И хотя некоторые рабочие стали выходить из этих профсоюзов и присоединяться с CNT, профбоссы все же сумели прекратить стачку.

9 июля 1987 г. после последней общей ассамблеи, созванной секциями всех профсоюзов, CNT приняла решение разорвать отношения с другими профцентрами, которые хотели подписать запланированное соглашение. CNT намеревалась продолжать борьбу и подготовить всеобщую стачку во всей промышленной зоне Кадиса. На следующей неделе она созвала ассамблею с участием 1500 рабочих. Тем не менее, накал борьбы постепенно пошел на спад.

Но итоги борьбы рабочих верфей не ограничиваются непосредственным спасением нескольких тысяч рабочих мест. Была полностью изменена жизнь во всем районе, самоорганизация и самоуправление стали повседневной нормой в Пуэрто-Реале. Трудящиеся прекрасно поняли, что достижения - это результат их борьбы. В то время, как другие профсоюзы и рабочий комитет больше не хотели собирать ассамблеи, CNT продолжала способствовать развитию самоуправления рабочих и жителей. Общие собрания - хотя и менее многочисленные - продолжались, и это CNT считает самым главным результатом борьбы. «Наша роль состоит в том, чтобы организовать средства в защиту рабочих», - пояснял Пепе Гомес.

После 1987 г. CNT пытается проводить ассамблеи в каждой смене на каждой фабрике. Каждую неделю люди из CHT приходят в различные мастерские, фабрики, пользуясь утренним перерывом около 11 часов утра и обсуждают с рабочими различные насущные проблемы. Организуются городские ассамблеи жителей по различным вопросам (порой в них участвуют тысячи людей). CNT работает также в поместьях и в сельской местности, проводя ассамблеи на местном и на более высоком уровне.

CNT способствовала становлению самоорганизованного социального движения в районе. Она старается показать в Пуэрто-Реале, что анархо-синдикалистский рабочий союз - это не обычный профсоюз, участвующий в производственных спорах, что он имеет и более широкие социально-политические цели. В результате удалось увязать различные конфликты, борьбу вокруг проблем образования, здравоохранения, культурных аспектов, движение против открытия нового курса обучения гольфу, против приватизации кладбища, против увеличения различных местных налогов. CNT сумела организовать скоординированное движение по вопросам экологии, ведя борьбу против различных вышеупомянутых проектов. Удалось связать вместе 12 различных инициативных групп на местном уровне, которые были заинтересованы в этих вопросах - будь то повышение платы за обучению гольфу или приватизация

кладбища. CNT постаралась обеспечить, чтобы эта организация, объединившая 12 инициатив, работала на основе консенсуса и ни одна из них не навязывала остальным своих особых представлений. Каждая могла предложить в повестку дня интересующие ее пункты и все они подлежали обсуждению. Нет никакого центрального контроля или руководящей группы, обладавшей властью над другими...

Но как же все-таки умудряется CNT и вся система собраний-ассамблей действовать без функционеров и платных руководителей, вместо которых работают только делегаты? Бывало ли так, что кто-то из выбранных делегатов нарушал твердый наказ выдвинувшего его собрания (CNT или общего) и поступал по собственной воле?

Нет, - отвечает Пепе Гомес. - «Если какой-нибудь делегат действует против решений, принятых на ассамблее, он будет отозван и исключен из нашего союза. Каждый делегат избирается на строго определенный срок - на 6 или 12 месяцев. Но, повторяю, ни одного пока не приходилось отзывать, поскольку ни один из них даже не пытался действовать вопреки решению ассамблеи».

Репрессии со стороны властей? В них нет недостатка. Пепе Гомеса и его товарищей несколько раз обвиняли в нанесении ущерба в размере 15-20 миллионов песет, их телефоны прослушивались. «Вот пример, происшедший в Адре далее к востоку вдоль побережья. CNT была обвинена в том, что несколько ее членов участвовали в вооруженном налете. Это было использовано для ареста членов CNT и попытки разгромить профсоюз. С 1977 г., когда CNT была легализована..., она была объектом самых разных провокаций и репрессивных актов, преследовавших цель уничтожить рабочий союз.

Однако мы стремимся к тому, чтобы любой насильственный акт или акт прямого действия совершался всем селением, самими жителями. Мы вовлекаем в действия все селение, весь город или всех людей, которых это затрагивает. Мы - не авангардная организация, ни один насильственный акт или акт прямого действия не делается в одиночку».

РАЗВАЛ-2000 И ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ...

Данный текст представляет собой вторую часть статьи активиста питерского свободного профсоюза «Независимость» Ю.Симонова. Ее первая часть, посвященная в основном положению в рабочем движении страны, была опубликована в первом номере бюллетеня и уже вызвала отзывы у наших читателей. В этом номере мы публикуем окончание, в котором автор излагает свое видение причин сложившейся ситуации. Некоторые положения (о «догоняющем» характере «советской» экономики, о ее историческом развитии к «нормальному» капитализму, о корпоративности «советского» общества и о взаимосвязи мировых и российских капиталистических процессов), на наш взгляд, заслуживают пристального внимания. Другие, по нашему мнению, спорны, поэтому мы снабдили текст редакционными комментариями, не претендуя, разумеется, на истину в последней инстанции. В любом случае, для возникновения нового рабочего движения свободная дискуссия абсолютно необходима, а статья Ю.Симонова, безусловно, внесет вклад в эти дискуссии.

Ко всем перечисленным (*в первой части*, - Ред.) фактам можно добавить и другие, свидетельствующие о состоянии странного для конца XX века явления - деиндустриализации. Этот феномен в стране никем официально не признан, однако имеющий глаза да видит. Спад производства составляет официально не менее 60% по сравнению с 1991 г. В целом в РФ до 70% производственных мощностей от уровня 1992 г. либо прекратили существование, либо простаивают при общем среднем возрасте оборудования в 14,3 лет (данные 1995 г.) с коэффициентом его обновления 1%, а коэффициентом убытия - 2,9%. Колоссальный отток средств за рубеж и незаконное присвоение огромных денежных средств внутри страны (до 75% ВВП за 1992-1994 гг.) можно рассматривать как логическое завершение процесса распада в производственной сфере. Как-то сама собой решилась и проблема диспропорции между группами «А» и «Б», где оставшаяся часть группы «А» представлена в основном добывающей отраслью (т.е. нефте-газовой «трубой») с остатками металлургии и химии, а оставшаяся часть группы «Б», мощности которой сократились более чем вдвое, уже более не обеспечивается оборудованием советского машиностроения, в основном ввозит его из-за рубежа и, таким образом, не дает необходимого толчка развитию отечественного производства средств производства. Так российская экономика, «войдя» в мировой рынок, стремится к своему «равновесию».

С этим же спадом связан и кризис в рабочем движении. После волны забастовок в конце 80-х - начале 90-х гг. в шахтерских и промышленных центрах страны это движение поразительно быстро пошло на убыль с 1992 г. Советский рабочий класс потерпел колоссальное поражение, второе в этом веке после передачи занятого им производства в 1918-1919 гг. в центральное управление государства. Но это нынешнее состояние кажется еще более поразительным, так как в годы революции и гражданской войны немногочисленный тогда пролетариат всеми силами стремился к сохранению производства. Собственно говоря, и передача управления производством фабзавкомами советскому государству явилось закономерным шагом борьбы рабочих за производство через его национализацию. (В конце концов дальнейшее пополнение городов новой массой рабочих из села дало толчок развитию индустрии, привело после отмены НЭПа к индустриализации и коллективизации (- Ред.) и к росту советской экономической и военной мощи. Рабочий класс в СССР, занятый в основном тяжелым физическим трудом (до 70% операций на производстве), составил большинство (60%) занятого в советском народном хозяйстве населения. Из его же рядов, главным образом, рекрутировался правящий слой советской партийно-хозяйственной бюрократии, которую обычно называют номенклатурой или «социалиями». В этой общественно-экономической структуре общества

лежали объективные предпосылки к дальнейшему спаду, кризису и разложению, начиная с 1970 г. Итогом стал распад СССР и продолжающийся процесс экономического и социального развала. В социальной структуре советского общества заключена была и нынешняя неспособность рабочего класса к длительной коллективной борьбе и самоорганизации. Россия за советские годы прошла пик своего экономического развития, достигнув в кратчайший срок за всю свою историю подъема в 30-е-50-е-60-е гг. В силу причудливого переплетения географических и геополитических факторов и необходимости скорейшего индустриального развития в ходе известных событий 20-х-30-х гг. сложилось уникальное многонациональное общество - советский народ. Это было феодально-социалистическое общество с тотально обобществленной собственностью в качестве его экономического фундамента, где социальный антагонизм не проявлялся до поры до времени еще и потому, что правящая верхушка имела в течении по крайней мере 40 лет общий с городским рабочим классом интерес. Интерес этот заключался в дальнейшем наращивании промышленности за счет экстенсивного развития и безжалостного ограбления колхозного крестьянства. При этом рабочий класс страны, рекрутированный из крестьян, сохранил в целом крестьянскую психологию. Отсутствие пролетарского сознания в массе рабочих - субъективный фактор, сформировавшийся в советские годы в условиях высокой формы развития «азиатского» способа производства. Он не дает нынешним рабочим возможности активно противостоять объективным тенденциям экономического развала. Дачно-картофельная традиция массы городского населения тому свидетельство. В этом - беда рабочих...

В целом можно согласиться..., что в ближайшее время в России не будет классовой борьбы в стандартных мировых формах. Последние конфликты на ряде предприятий Питера и других городов - только лишь слабые накаты волны, всколыхнувшейся в конце 80-х гг. Эта волна объективно помогла добить больного советского гиганта и его индустриальную базу, но не смогла создать качественно новое движение, направленное на сохранение накопленного огромного потенциала. Деиндустриализация - объективный фактор, углубляющийся и порождающий зловещие явления глобального характера. Достаточно подумать о жалком существовании ядерных объектов в СНГ и Балтии и о возможности дальнейших катастроф, подобных Чернобылю. Такова реальность. Каковы же перспективы?

Перспективы для России я вижу в дальнейшем количественном и качественном изменении ее нынешнего экономического базиса и государственной надстройки. Все большее ослабление российской государственности в нынешнем ее виде и превращение России в сплошную зону конфликта между отраслями, регионами и федеральным центром неизбежно приведет к появлению ряда новых государственных образований, независимых от подающей и карающей руки имперского центра. Нынешнее массовое разворовывание государственной собственности объективно способствует этому процессу. Ослабление государства, в свою очередь, приведет к ослаблению экономического господства номенклатурного класса «социалиев», во всяком случае, его имперского слоя.

В условиях нынешних потрясений зарождаются новые общественно-экономические и социальные структуры, которые неизбежно приведут к кристаллизации и новых форм производственных отношений, где классы молодых, в основном, рабочих и служащих будут противостоять классу нуворишей, стремящихся к контролю над собственностью и к прибыли за счет сверхэксплуатации и угнетения нанятой ими бесправной рабочей силы. В условиях крайнего ослабления российской экономики и превращения России по сути в страну «третьего мира» это угнетение обещает быть особенно безжалостным. Таким же ожесточенным будет и классовое противостояние, в ходе которого наемным работникам придется создавать новые формы своих профессиональных и политических организаций.

И еще один немаловажный аспект - международный. Несмотря на все заклинания наших «младолибералов» о неминуемой манне дешевых западных кредитов и инвестиций, значительных поступлений оттуда как не было, так и нет. Смешно говорить об инвестициях вообще, имея в виду 6 млрд. долларов, вложенных в основном в ГКО и другие обеспеченные государством ценные бумаги и 25,1 млрд. долларов кредитов на затыкание дыр бюджета, вместо обещанных в 1992 г. 24 млрд. долларов срочного кредита на промышленные инвестиции.

В российской истории был период крупномасштабных вложений зарубежного капитала в период 1891-1914 гг., когда эти инвестиции играли основную роль в индустриализации страны (40% всего акционерного капитала). Роль Запада в финансовой сфере была еще большей. Однако эта роль в развитии страны оказалась в целом отрицательной. Россия по основным валовым и, тем более, качественным показателям плелась в хвосте у западных держав, к 1913 г. заняв «почетное» 5-е место после своего самого важного кредитора - Франции и превратившись в крупнейшего в Европе должника. Западные инвестиции того времени, куда более крупные по сравнению с нынешними, безусловно дали основную часть средств для индустриального развития. Однако это развитие в условиях консервативных форм земельной собственности и социальных отношений и отсутствия даже «почти нормального» рынка земли, капитала и труда оказалось неспособным к коренной ломке тогдашних закостенелых форм российских производительных сил. Тогдашний уклад царской империи вполне устраивал зарубежных кредиторов, и их единственным интересом являлось сохранение статус-кво на как можно более длительный срок. В результате первой мировой войны, во время которой Россия понесла самые большие потери в живой силе (4 млн. человек), а ее промышленность и сельское хозяйство не справились с возросшими нагрузками военной экономики, страна была ввергнута в величайшие потрясения Февральской и Октябрьской революций, а затем гражданской войны. Обе революции произошли в один и тот же год и с такой молниеносной быстротой, что у большой, если не большей части тогдашних и современных историков, в том числе у «историков» ясинско-гайдаровской «школы», убеж-

денных сторонников теории «аномального» развития советской экономики, эти события отражаются как переворот, совершенный большевиками, произведшими затем свои «беззаконные» эксперименты над почти «здоровой» экономикой дореволюционной России. Поэтому, считают они, Россию необходимо вывести, опять же, в кратчайшие сроки на «цивилизованный» путь мирового, то есть западного развития.

Этим, умудренным чтением западных экономических теорий деятелям хочется напомнить, во-первых, о словах одного из крупнейших западных историков Фернана Броделя (отнюдь не марксиста) о том, что капиталистический способ производства и управления является не универсальным, а уникальным явлением, который мог появиться только в Западной Европе, и во-вторых, о существовании строгой иерархии в мировой экономике, где существует множественность форм развития, а России отведено свое место - на окраине, точнее между Западом и Востоком, еще более отсталым, чем Россия. История повторяется, только на качественно ином уровне. Непогашенная задолженность России Западу, в том числе и долг, принятый правительством от СССР, составил на 1 января 1997 г. уже 127 млрд. долларов (*в настоящее время - уже около 150 млрд. долларов.* - Ред.).

В условиях обострения экономического и финансового кризиса на Западе российский долг будет востребован в предельно сжатые сроки. Для России же, даже после реструктуризации долга его выплата обернется новым витком экономического упадка и неизбежным стремлением правящего класса к укреплению государственной власти через авторитаризм и прежде всего к усилению угнетения рабочего класса, национальных и территориальных окраин и к возрождению империи.

Таким образом, Запад заинтересован в закреплении объективно отживших производительных сил в России, как и в других развивающихся странах. Нигде еще диктатуры и отсталый экономический уклад в государствах третьего мира не свергались Западом. Наоборот, буржуазные демократии восстанавливались исключительно по внутренним причинам и потребностям этих государств. Примеров в XX веке - масса.

Рабочий класс России, сыграв основную роль в становлении феодальной советской империи и выдержав многолетнее угнетение, объективно заинтересован в развале империи и ее производства и не сопротивляется этим процессам. Однако так же заинтересован он и в новых рабочих местах, в новой индустрии; в российских же условиях создание промышленности оказалось возможным только в условиях империи и угнетения. Как выйти из этого противоречия?. Ответ у марксиста один: через революционные изменения. Но говорить о революции только в России - это значит подразумевать дальнейшее развитие «догоняющего» общества с «азиатской» формой производства, ведущего к очередным потрясениям и катастрофам. Следовательно, марксист не может не понимать решающей роли для России и ее рабочего класса международного демократического (*имеется в виду не буржуазная, представительная демократия, а «базисная демократия», то есть самоуправление,* - Ред.) рабочего движения. Ну а история покажет, какие формы примут два рабочих движения - на Западе и Востоке - и как они будут взаимодействовать.

Ю.СИМОНОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Редакция бюллетеня не согласна с теорией «феодально-социалистического» общества в СССР. По нашему мнению, в экономике «Советского Союза» (мы употребляем кавычки, так как в том государстве не было ни суверенных Советов, ни свободного Союза) не было ничего социалистического, никакого обобществления. Скорее, рабочие порой соглашались с национализацией (огосударствлением) производства потому, что она «обещала» сохранить производство и, следовательно, кусок хлеба. Однако, чаще государство даже не спрашивало пожеланий рабочих и давило их выступления против государственного контроля силой.

Речь шла по существу о специфическом государственном капитализме, при котором государство бюрократии действовало более или менее как совокупный капиталист, как огромная раздувшаяся капиталистическая фабрика. Целью ее было форсированное создание деспотическим путем основ индустриального, то есть капиталистического общества. На деле, одной из причин коллективизации явилось стремление режима обеспечить развитие индустрии рабочей силой и ресурсами.

Бюрократическо-номенклатурный класс формировался чем дальше, тем больше не только из выходцев из других слоев, но и за счет самовоспроизводства. В любом случае, став представителями этого буржуазно-бюрократического класса, выходцы из других слоев (в том числе из рабочих) утрачивали свою прежнюю классовую принадлежность.

Нынешнее преобразование (приватизация, свободный рынок и т.д.) связано с преобразованием номенклатурной бюрократии, совокупно владевшей государственной собственностью, в «нормальных» частных капиталистов.

Нельзя утверждать, что рабочий класс был непосредственно был заинтересован в системе государственного капитализма и в эксплуатации крестьянства. В 30-е гг. рабочий работал в рабских условиях, в начале 50-х гг. уровень жизни был еще ниже, и только в 60-х - 70-х гг. существовал специфический вариант «социального государства», который уже в 80-х гг. правящий класс счел слишком дорогостоящим. Другое дело, что в «советском» обществе действовала особая форма корпоративизма, то есть насаждаемого «единства интересов» администрации производства и рабочих, от которого многие трудящиеся не могут избавиться до сих пор. Формой мнимой общности интересов сегодня служит якобы существующая «общая» заинтересованность в сохранении рабочих мест.

> «...В России новый класс, который прочно держит в своих руках рычаги аппарата производства - это бюрократия. Она призвана играть в России ту же роль, что сыграла буржуазия на Западе: развить страну, индустриализовав ее, уйти от примитивных условий с тем, чтобы добиться высокой продуктивности.

Точно так же, как в Западной Европе буржуазия формировалась из выходцев из простых людей, таких как ремесленники и крестьяне, с включением некоторых аристократов, выбившихся благодаря ловкости, везению и хитрости, бюрократия, правящая в России, сформировалась из выходцев из рабочих и крестьян (с включением бывших чиновников), выбившихся благодаря ловкости, везению и хитрости. Отличие в СССР состоит в том, что они владеют средствами производства не индивидуально, а коллективно, поэтому их взаимная конкуренция должна была принять иные формы. Это повлекло за собой глубинное различие в экономической системе: плановые коллективные производство и эксплуатация вместо индивидуальных и стихийных, государственный капитализм вместо частного. Но для трудящихся масс это отличие небольшое, не фундаментальное; они все равно эксплуатируются буржуазией классом. Однако сейчас эта эксплуатация становится более интенсивной благодаря диктаторской форме правления, полному отсутствию всех свобод, которые сделали возможными борьбу с буржуазией на Западе...

Большевизм может еще иметь какой-то шанс. Но он не принесет решения проблем рабочих. Когда всеобщая нищета возрастет и конфликты между классами ужесточатся, рабочий класс по необходимости должен будет завладеть средствами производства и найти способ освободиться из-под влияния большевизма».

АНТОН ПАННЕКУК,
участник движения за рабочие Советы, 1940 г.

«Нас не пугают руины. Мы знаем, что нам достанутся в наследство только руины, потому что буржуазия на последнем этапе своей истории попытается обратить в руины весь мир. Но я говорю вам еще раз: нас, рабочих, руины не пугают, ведь мы несем новый мир в наших сердцах»

БУЭНАВЕНТУРА ДУРРУТИ,
активист испанского анархо-синдикалистского движения, 1936 г.

Бюллетень издается Межпрофессиональным союзом трудящихся
Московского региона

Наш адрес: 117485 Москва а/я 34
***Электронный адрес:* mpst@hotmail.com**
***Страничка в Интернете:* http:// mpst.txt.org**